

этиодъ Шестова о Паскалѣ («Геесиманская ночь»), о мыслителѣ, оставшемся вдали отъ большихъ дорогъ философіи, былъ для французской критики «геніальнымъ» откровеніемъ, пришедшимъ изъ чужой страны?

Философія Ш. не хочетъ ни поучать, ни проповѣдывать: она хочетъ только вырвать насъ изъ общаго аристотелевскаго міра и вернуть намъ человѣка, созданнаго по образу и подобию божьему, превращеннаго въ мертвый объектъ наукообразными построениями философіи, цернуть міръ живой дѣйствительности, пусть дѣйствительности, полной трагизма, но отъ ужасовъ жизни и смерти нельзя укрыться въ раковину автономнаго добра или другой «возвышенной» въ своемъ безразличіи и безучастности идеи, какъ и не всѣмъ, и не всегда дано улетѣть на крыльяхъ экстаза въ страну творческаго вдохновенія и прозрѣнія. Какъ Ювъ на пепелищѣ мы должны отвергнуть «безполезныхъ утѣшителей»; либо отречься отъ Господа и окончательно умереть, либо предать свой духъ во власть вѣчной Тайны и внимать въ священномъ трепетѣ голосу изъ неопалимой купины.

Г. Л. Ловкій.

Борисъ Зайцевъ. Аэонъ. YMCA-Press. Paris, 1928.

Книга Б. Зайцева — не гидъ паломника, не описаніе святыхъ и древностей аэонскихъ. Научный, историческій, художественный грузъ сведенъ здѣсь къ *minimum*'у. Это лишь искусно обработанныя страницы изъ дневника «православнаго человѣка и русскаго художника», проведеннаго на Аэонѣ «семнадцать незабываемыхъ дней».

Авторъ принесъ съ собою на Аэонъ смиренную готовность принять, не разсуждая, не сомнѣваясь, весь цѣликомъ, открывшійся ему особенный міръ, — и въ то же время зоркій взглядъ, изощренный только что проплывшимъ передъ нимъ волнующимъ образомъ Элады и опытомъ давнихъ итальянскихъ странствій. Двѣ души аэонскаго странника незримо борются между собою, но эта борьба остается скрытой глубоко, подъ прозрачной ясностью умиротвореннаго сознанія. Паломникъ повѣствуетъ о ночныхъ службахъ, о безсонномъ, голодномъ, трудовомъ подвигѣ Аэона, аскетически-суровомъ, какъ встарь. Художникъ запоминаетъ очарованіе еракійской ночи, горизонты моря, ароматы жасмина и желтаго дрѣка. Благоуханіе цвѣтовъ покидаетъ насъ на «Аэонѣ» лишь для того, чтобы уступить мѣсто церковнымъ благовоніямъ: «ладанно-сладковатымъ запахамъ» соборовъ, «злато-маслянистымъ, медвянымъ», исходящимъ даже отъ костей и череповъ. Весь пронизанный ароматами, освѣженный моремъ, Аэонъ Б. Зайцева утрачиваетъ свою суровость, баюкаетъ волнами душевно-тѣлесныхъ ритмовъ. По природѣ своей, по свойству своего нѣжнаго и кроткаго дарованія, Б. Зайцевъ не можетъ сказать «нѣтъ» ничему. Принимаетъ и фанатика, читающаго «современные философскіе журналы», хотя онъ совсѣмъ не въ стилѣ Аэона. Принимаетъ и пустую аэонскія бібліотеки: «Впрочемъ, можетъ-быть, истинная бібліотека и вообще должна быть безцѣльна. Еще вопросъ, слѣдуетъ

ли выдавать изъ нея книги». Ему нравятся всеобщныя стоянія въ асси-скихъ храмахъ, «легкое, текучее и благозвучное забвеніе» молитвъ. Но «вотъ приподымешься слегка, въ стасидіи, и надъ полоконникомъ раскрытаго окна увидишь сребристо-забѣлѣвающую полосу моря съ лунными играющимъ слѣдомъ». И сладко уловить «сквозь напѣвы утрани звукъ мірской» — дальній гудокъ парохода. Постѣ поэзіи послушанія, трудовъ и поклоновъ — вдругъ передъ фресками Пансельно долго сдержанный вскрикъ: «Геній есть вольность. Нѣтъ преградъ, все возможно, все дозволено».

Тишайшая, кротчайшая борьба съ духомъ Аеона (быть можетъ, совершенно подсознательная) закликаетъ на помощь духовъ древней Эллады, еще не покинувшихъ этой нѣкогда имъ посвященной земли. За Лемносомъ чюдятся «рыкіе холмы тысячелѣтней Трои». Горизонтъ Святой Горы замыкаетъ иная гора — снѣжной, недосягаемый Олимпъ, «какъ нѣкій легкий ковчегъ Эллады». Древніе боги оживаютъ. «Вотъ теплымъ карминомъ тронула Эось вершушку Святой Горы, церковку Преображенія». Іоаннъ Кукузель, любимѣйшій аеоискій святой Б. Зайцева, пастухъ, чаровавшій козловъ своимъ пѣніемъ, ведетъ за собою гнѣвъ христіанскаго Орфея, музыканта Господня. И даже Афродита-Морфо, «въ потудремѣ томлящаяся», скованная богиня, живетъ въ имени залива Морфино и связанной съ нимъ дохристіанской легендѣ. Но пусть не подумаетъ читатель, что Аеонъ Б. Зайцева посвященъ умершимъ и невоскреснувшимъ богамъ. Ихъ гнѣвъ такъ легки, ихъ появленія такъ рѣдки и застѣнчивы, что, называя ихъ имена, я боюсь, не совершаю ли я нескромности.

Есть и другія возможности раздвинуть аскетическіе рубежи Аеона, не покидая его священной земли. Въ отложеніяхъ вѣковыхъ культуръ, въ соедѣствѣ десятковъ разноплеменныхъ обитателей, составляющихъ монашескую республику, культурно изощренный глазъ автора находитъ острую экзотику контрастовъ. Вотъ Карея, столица Аеона — пустынный, точно вымершій восточный городъ, городъ безъ женщинъ и дѣтей. Вотъ засѣданіе протата (монашескаго правительства), которое напоминаетъ нѣчто среднее между совѣтомъ десяти въ Венеціи и Караагенскимъ сенатомъ въ христіанской транскрипціи. «Косицы и ясы, древнія иконы по стѣнамъ, литографія, пряность глицерина, раки, сладостность языка, мягкость дивановъ, медлительная лѣтъ движеній — все слилось въ дьяльную, завѣковую экзотику». И на этой экзотикѣ, въ пряхныхъ благовопіяхъ Востока, особенно пронзительна, до боли, встрѣча съ Великороссіей. «Русскіе сѣрые глаза, простыя лица поумонашескаго, полукрестьянскаго общежитія». Постѣ «медвяныхъ» запаховъ Византіи, «пахнетъ тутъ сладковато-кисло, щипи, красомъ, летаютъ вялая мухи». Въ гостиницѣ Андреевскаго скита «обликъ неповторимаго»: «стѣны, увѣнчанныя портретами императоровъ, царницъ — натертый полъ блеститъ зеркаломъ. Чистые половнички проложены на немъ». Всего лучше — самая липа, «кофѣйный и чистый дѣловой русскій типъ, заквашенный на Византіи... Такимъ, какъ о. Пинуфрій, могъ быть посолъ російскій времянь Іоанна III живописецъ Андрей Рублевъ или мастеръ Діонисій». Это наводненіе

святой Руси становится непреодолимымъ въ скитахъ и избахъ (калинахъ) отшельниковъ въ сосновыхъ лѣсахъ «Новой Фиваиды».

Ну, а гдѣ же святой Аѳонъ? Удалось ли художнику проникнуть, не внѣшнимъ лишь взоромъ, внутрь православной твердыни? Здѣсь начинается самая спорная часть книги. Многие, думаю, не согласятся съ предложеннымъ авторомъ пониманіемъ Аѳона. Не имѣя данныхъ для оцѣнки его, скажемъ все же, что оно обладаетъ большою убѣдительностью.

Аѳонскій «духовный типъ» для Б. Зайцева — «это спиритуальность прохладная и разрѣженная, очень здоровая и крѣпкая, весьма далекая отъ эротика» — прибавимъ отъ себя: и отъ мистики. Впечатлѣніе церковной молитвы на Аѳонѣ, сравнительно съ «мірскимъ» храмомъ: «Здѣсь все ровнѣе, прохладнѣе, какъ бы и отрѣшеннѣе. Менѣе лирики... Я не видалъ слезъ на Аѳонѣ. Ночи въ церкви, днѣ на работѣ, въ кельѣ «стянуть канончикъ». Спать не больше 3 - 4 часовъ въ сутки. «Монастырскій ритмъ — вотъ, мнѣ кажется, самое важное. Вы какъ будто плывете въ широкой рѣкѣ, по теченію». Такая жизнь для слабыхъ — «душевная гигиена». Мѣрность движеній и размѣренность дня становятся школой, покоряющей страстную природу. Авторъ мало останавливается на острой борьбѣ аскета. Онъ протестуетъ противъ суроваго Леонтьевского изображенія. Его Аѳонъ добрый и спокойный. Паломника всюду окружаетъ и несетъ волна любовной ласковости. Но если Б. Зайцевъ утѣилъ отъ насъ (утѣилъ ли?) фанатическое лицо Аѳона (раза два оно проглядываетъ, впрочемъ), то не показалъ онъ (потому ли, что и нѣтъ его?) другого, мистическаго лица. Прогулки по лѣснымъ скитамъ давали ему возможность видѣть и бесѣдовать съ отшельниками очень строгой жизни. Но если это подлинная святость, то святость не мистическаго, не созерцательнаго склада. Удивительно жизненны портреты двухъ современныхъ святыхъ Аѳона. Одинъ напоминаетъ Толстого — не только наружною, но и жизненнымъ путемъ. Человѣкъ большихъ природныхъ силъ и страстей, сломившій себя къ сорока годамъ: «сброшенной зѳеискій мудрецъ». Мудрость его въкопая, святоотеческая... Вдругъ въ бесѣдѣ съ поэтомъ (на лодцѣ и звѣрь бѣжить) «подошелъ къ лалисаднику, взглянулъ на море. -- Вотъ люблю, люблю! Просто говорю. Взглянулъ, вижу всю красоту, прелесть... Удивительная красота... а знаю, что рухнетъ, въ отвѣтъ Божіемъ завтра, можетъ, сторгитъ, но трубъ архангельской... а люблю!»

О. Нилъ не мудрецъ, а простецъ (изъ крестьянъ), въ глухомъ лѣсу питается одѣжи гнилыми фигами («прямо ко рту не поднесешь, вся склизкая, запахъ»). Его бесѣда не назидательна. «Глаза его рано вышѣвшіе, съ отѣнкомъ «вѣчности» слегка слезились. Нливно-трогательно его смущеніе, когда его просятъ угостить посѣтителя. Вотъ святой, надъ которымъ не считаютъ за грѣхъ посмѣяться. Святой, у котораго есть свои слабости. Однажды разворился о. Нилъ съ гостемъ своимъ Арсеніемъ, поспоривъ о томъ, что вреднѣе для человѣка: лукъ или масло. — «Упрямые у насъ бываютъ старики. Большого подвига оба и другъ друга любить, а вотъ поди ты: что поль-

зительнѣ, лукъ или масло?» Есть ли другіе, идущіе таинственнымъ путемъ «умнаго дѣланія»? Не знаемъ. Но что не мистическій типъ опредѣляетъ жизнь современнаго Аэона, это, думается, подмѣчено вѣрно. Новый Аэонъ не наследникъ «исихастовъ» XIV - XV вѣковъ, воспитавшихъ для Руси Нила Сорскаго. Не случайно изгнаніе изъ его стѣнъ нияславчества: духовнаго дѣтища исихастовъ.

Возвращаемся къ книгѣ Б. Зайцева. Одно изъ главныхъ обаяній ея — это стиль. Онъ, какъ зеркало, отражаетъ въ себѣ остроту и сложность культурныхъ впечатлѣній, обработанныхъ въ разрѣженномъ, строгомъ ритмѣ Аэона. Прозрачность великорусской рѣчи, благодаря перестановкѣ одного слова, одному благовоинно-пышному эпитету, вдругъ отзовется то терциной Данте, то стихомъ Гомера. Рѣчь, весьма далекая отъ сомнительнаго жанра ритмической прозы, иной разъ нечаянно разрѣшится въ гекзаметръ: «Бѣлый и пышный жасминъ, отягченный каплями влаги... Впрочемъ, можетъ быть, указаніе на это тоже принадлежитъ къ числу нескромностей.

Есть одна глава, гдѣ авторъ терпитъ стилистическое поражение. Это глава о «Святыхъ Аэона». Самая неудача ея чрезвычайно поучительна. Она указываетъ на почти непреодолимые трудности современной агіографіи и вмѣстѣ съ тѣмъ на границы моднаго теперь «оцерковленія». Въ данномъ случаѣ автора погубилъ Аэонскій Патерикъ, безстильный продуктъ XIX вѣка. Интересно сравнить два варианта легенды I. Кукузеля, данные въ книгѣ: свободно-народный (стр. 63) и книжный (92 - 3). Вотъ какъ надо и вотъ какъ нельзя писать легенды!

Историкъ могъ бы сдѣлать кое-какія придирчивыя замѣчанія: насчетъ значенія имени «Ксилургу», насчетъ Галлы Плацидіи въ Ватопедѣ (V вѣкъ! Это переворачиваетъ всю — впрочемъ, смутную еще — хронологію Аэона). Культурный читатель посѣтууетъ, что въ примѣчаніяхъ не нашлось мѣста хотя бы краткому указателю литературы объ Аэонѣ. Но это мелочи.

Закрывая книгу, долго не можешь отрѣшиться отъ волненія, которое охватываетъ вмѣстѣ съ ритмомъ первыхъ же ея строкъ. Перечитываешь, и волненіе не проходитъ, но углубляется. Надъ этой книгой хорошо думается: о самомъ важномъ, о жизни, объ исторіи, о вѣчности.

Г. Федотовъ.

«Памяти погибшихъ», сборникъ подъ редакціей Н. И. Астрова, В. Ф. Зеелера, П. Н. Милукова, кн. В. А. Оболенскаго, С. А. Смирнова и Л. Е. Эльшева. Парижъ, 1929 г.

Въ редакціонномъ предисловіи къ этой книгѣ сказано: «Настоящій сборникъ посвящается памяти членовъ партіи Народной Свободы, убитыхъ большевиками въ періодъ революціонной анархіи, разстрѣлянныхъ по распоряженію коммунистической власти, по ея наущенію и при ея содѣйствіи. Установить число нашихъ партійныхъ друзей и товарищей, погибшихъ отъ руки большевиковъ, невозможно, но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что погибли изъ нихъ сотни, а можетъ быть, и тысячи».